

И пускай этот страж Железной гвардии не был знаком с Яо Хо лично, тот пожертвовал своей жизнью во имя клана. Поэтому он по доброй воле выступил вперёд и предостерёг Яо Чэня, чтобы тот не действовал опрометчиво.

Однако Яо Чэнь уже потерял присутствие духа: как мог он прислушаться к совету? Два года усердных трудов, два года лишений, два года жизни под печатью — всё ради сегодняшнего дня! И теперь, по вине какого-то негодяя, подменившему ему траву Звёздного неба, он потерпит неудачу в самый роковой момент... Вскипев гневом, он заорал:

— Он украл мою траву Звёздного Неба!

— Не наговаривай на других. Я следил за всем, что здесь происходило, и уверенно заявляю, что ничего подобного не было, — страж Железной гвардии нахмурился, а голос его стал строже. Он уже отдал дань почтения покойному отцу Яо Чэня, предупредив юношу, однако тот продолжал городить вздор, чем только раззадоривал стража. Подменить лекарственный ингредиент на «Встрече», когда на них смотрят тысячи глаз... забудьте о Яо Фэне, такое проверить не под силу даже могучему эксперту царства Святого.

Тут раздался грохот; котёл позади Яо Чэня загудел, из устья повалило густым, чёрным дымом. Воздух насытился запахом гари. Лекарственные ингредиенты потеряли равновесие и сожглись дотла.

Обернувшись на звук, Яо Чэнь едва удержался на ногах — у него вдруг закружилась голова. Затем повернулся обратно к стражу и застыл на месте, не зная, как поступить.

«Нет! Если бы только он не украл траву Звёздного неба и не подменил её травой Звёздной пыли...»

Все надежды, которые он возлагал на финальный тур, в одночасье рухнули. Он из последних сил старался сохранить рассудок...

Взревев, он бросился на Яо Фэна!

Только сейчас он осознал, что на самом деле скрывалось за добродушной улыбкой Яо Фэна, когда тот предлагал ему котёл Спасения от огня. Не из корыстных побуждений тот действовал, а чтобы подменить лекарственные ингредиенты. И преуспел ведь!

За спиной Яо Чэня выросли две фигуры: главы Зала Наказаний Яо Ваньгуя и первого старейшины Яо Ваньхо.

— Кто позволил ему здесь бесчинствовать? Схватить и увести, — с полным безразличием в голосе приказал Яо Ваньгуй, не удосужив Яо Чэня даже взглядом.

— Слушаюсь. Яо Чэнь, — страж Железной гвардии мигнул глазом, призывая того пойти за ним. Этим действием он также оказывал некоторое уважение.

— Я могу пойти, но что будет с Яо Фэном, который выкрал у меня траву Звёздного неба?

— К чему этот вздор? Яо Чэнь, прежде чем что-то сказать, надо хорошенько подумать и только потом открывать рот, — Яо Ваньгуй, наконец, обратил внимание на юношу, метнув в того ледяной взор. Когда он говорил, уголки его губ были слегка опущены, как будто выражая презрение.

Яо Чэнь стиснул зубы, но его переполняла столь сильная ярость, что он продолжил:

— Я прошу старейшин проверить, причастен ли Яо Фэн к краже моих материалов или нет.

— Хорошо, будь по-твоему! — Яо Ваньгуй помавал рукой, и из-за его спины выскочили трое стражей Железной гвардии. Однако они отличались от первого: на их халатах с помощью тайной техники были вычерчены особые письмена, обозначающие принадлежность к Залу Наказаний. Это были стражи внутреннего кольца — эксперты царства Короля и выше.

— Вы трое заметили какие-нибудь нечестные действия? Кто-нибудь жульничал?

— Глава, ничего подобного замечено не было. Парень нагло врёт.

Выражения лиц этих стражников напоминали змей: такие же отчуждённые и холодные. Следить за участниками и предотвращать жульничество было их работой, и, если слова Яо Чэня окажутся правдивыми, их лишат весомой части природных материалов — и тогда они останутся позади сверстников. Поэтому столь чрезмерная настойчивость юноши раздражала их и церемониться с ним отнюдь не хотелось.

— Быть того не может, — лицо Яо Чэня сделалось совсем белым. Он знал, что на таком важном событии, как «Встреча», жульничество недопустимо, поскольку за участниками всегда следят из тени. Но если виновник этому не Яо Фэн, то... как трава Звёздного неба превратилась в траву Звёздной пыли?

— Чего? Ты сомневаешься в нашей компетентности? — взгляды трёх стражей засверкали холодом пуще прежнего.

— Я...

— Искать виноватых, когда виноват сам — обычное дело. Однако сейчас ты оклеветал свой клан. Как глава Зала Наказаний я не могу спустить подобное с рук, — сказав это, Яо Ваньгуй повернулся лицом к трибуне старейшин и холодно вынес вердикт: — Я, глава Зала Наказаний, изгоняю Яо Чэня из клана. Последующие тридцать лет ему запрещено ступать на территорию

клана. Он волен искупить вину, совершив добрые деяния, либо просто дождаться окончания срока. Однако впредь ему запрещено называться членом клана Яо и, если вдруг он нарушит это правило и об этом прознают, то не сыскать ему спокойствия в этом мире — кто-то из клана явится по его душу.

С хлопком на площади появились ещё два стража Железной гвардии. Они схватили Яо Чэня с двух сторон и насильно повели.

Становилось очевидно, что своими действиями они пытались его опозорить.

Яо Лань на трибуне старейшин стоял с разинутым ртом. Повернувшись к Яо Ваньхо, он прошептал:

— Первый старейшина, этот дитя весьма талантлив, и пускай он повёл себя буйно, это не повод изгонять из клана...

Яо Ваньхо насупился, но не промолвил ни слова. В каждом клане своё равновесие сил. С тех пор, как Яо Ваньгуй занял пост главы Зала Наказаний, первому старейшине не представлялась возможность оказать ему своё почтение. Если сейчас он вступится за Яо Чэня, то, несомненно, спасёт его, но тем самым пошатнёт фундамент, на котором зиждутся стороны Первого старейшины и Зала Наказаний. И тогда не миновать разногласий, а это сильно скажется на благоденствии клана Яо. Стоило ли разжигать антипатию ради какого-то ученика из побочной семьи, пускай и слегка одарённого?

— Старейшина, — Яо Лань снова заговорил, — его стоит наказать, но почему бы не смягчить наказание, отправив, скажем, в уединение на десять лет, чтобы он плавил пилюли Фиолетового пламени? Неужели мы выгоним из клана за малейший проступок? Нас посчитают жестокими и бессердечными.

Яо Ваньхо взглянул на Яо Ланя. Тот занимал пост старейшины школы — одно из самых низких положений в иерархии старейшин, — но был искусен в наставлениях алхимии и в этом деле не имел себе равных. Раз уж он заговорил, следовало оказать ему почтение.

— Кхм, Ваньгуй, разве это не слишком тяжёлое наказание? Может смягчим приговор и отправим плавить в уединении? — слабым голосом промолвил Яо Ваньхо, вытянув руку.

— Старейшина Яо Ваньхо, раз вы высказали своё слово, значит тщательно обдумали сложившуюся ситуацию. Что касается изгнания, этому есть причина. Яо Чэнь печально известен за свои преступления, поэтому его присутствие в клане сильно скажется на всеобщем настроении.

— Печально известен? — Яо Ваньхо бросил взгляд на Яо Ланя.

А Яо Лань сидел с пустым выражением лица, недоумевая, о каких таких преступлениях идёт речь. Насколько он знал, Яо Чэнь последние два года не показывал носа, вёл честную жизнь и никогда не подозревался в проступках.

— Подойдите, ребята, — Яо Ваньгуй поманил рукой, и из толпы выступили несколько юношей.

— А теперь передайте старейшинам то, что сказали мне вчера.

— Докладываем старейшинам: недавно мы стали свидетелями того, как Яо Чэнь крал траву Тигриного пламени высшего сорта.

— Трава Тигриного пламени? — Яо Ваньхо порылся в воспоминаниях. В сокровищнице и вправду не доставало травы Тигриного пламени — её всю забрал старейшина Яо Сяо. Сейчас тот плавил пилюлю восьмой категории, и эта трава лучше всего содействовала слиянию лекарственных ингредиентов. И то, что она вдруг появилась в руках выходца из побочной семьи, выглядело донельзя подозрительно.

— Мы лично видели, как Яо Чэнь крал её у старейшины Сяо.

— Подлецы! Её дал ему мой старший брат! Старейшины, месяц назад мой старший брат был за пределами клана и наткнулся на поляну с травой Тигриного пламени. В сокровищнице есть записи, подтверждающие это, — вмешался Ло Шу. Сначала он перепугался до чёртиков, но затем сумел собрать волю в кулак и принялся выгораживать Яо Чэня.

— Я навёл справки. Согласно записям в сокровищнице, Ло Шань передал всю имеющуюся у него траву Тигриного пламени, не оставив себе ни одного пучка, — бесстрастно парировал Яо Ваньгуй. Было очевидно, что он пришёл во всеоружии.

— Немыслимо! — крикнул Ло Шу, уставившись на Яо Ваньгуя тупым взглядом.

— Осмелился перечить, не видя полной картины. Но поступил так ради друга, поэтому я закрою глаза на твоё поведение. В следующий раз прежде чем говорить, проси разрешение у старших, — холодно молвил Яо Ваньгуй.

Ло Шу весь побледнел, он хотел оспорить, но не знал, как подступиться: Яо Ваньгуй нагонял на него животный ужас. Отец с братом ещё вчера отправились на задание, покинув клан. Не осталось никого, кто бы мог вступить за Яо Чэня, а Толстячку попросту никто не поверит.

В это время школьные прохвосты во всех красках рассказывали историю о том, как Яо Чэнь пробирался в усадьбу старейшины Яо Сяо, как они следовали за ним до самого дома и как их прогнала мать юноши. Потом говорили, что прошёл целый месяц, а Яо Чэнь продолжал вести себя как ни в чём не бывало, и они решили доложить об этом Залу Наказаний.

— Мы подумали, раз Яо Чэнь знает о нас, то, наверное, сам сдастся, но он прикинулся невинным, словно был выше самого Неба, и мы не вытерпели. Нельзя допустить, чтобы такой сброд подтачивал основы нравственности нашего клана.

Яо Ваньгуй махнул рукой и юноши, глубоко поклонившись, ушли, метнув на Яо Чэня прощальный взгляд.

— Яо Чэнь, пойми, ты сам вынудил нас. Твоё блестящее исполнение на «Встрече» затмило былые грехи, и мы бы замяли то дело, не начни ты поливать грязью своего соклановца, настаивая, что он подменил твои лекарственные ингредиенты. Это безнравственно и эгоистично, мы не можем позволить таким людям оставаться в клане. У тебя есть что сказать в своё оправдание?

Будучи зажатым с двух сторон стражами Железной гвардии, Яо Чэнь дрожал всем телом. Когда чёрное смешалось с белым и все пути отступления отрезаны — никакие слова не исправят положения. Из его уст вырвались только четыре слова:

— Это был не я!

— Увести его. У тебя двенадцать часов, чтобы покинуть клан. В ином случае будешь заклеимён предателем!

Яо Чэнь вздрогнул. Двенадцать часов, чтобы покинуть клан?

Он повернул голову в сторону остальных участников «Встречи» — все семеро плавили пилюли. Яо Фэн даже не взглянул на него.

Два стража силком потащили Яо Чэня дальше и вскоре прибыли к воротам его дома, где кинули юношу на землю.

Одни из них буркнул:

— Двенадцать часов.

Яо Чэнь, опираясь руками о землю, поднялся и взглядом встретил распахнутую настежь дверь, а в дверях — недоумевающую мать.

— Чэнь-эр, что случилось?

— Мама... — сердце Яо Чэня вдруг бешено забилося, он не знал даже с чего начать. Два стража переглянулись и один холодно сказал:

— Яо Чэнь совершил ряд преступлений и был изгнан Залом Наказаний. Вы приходите к нему материю? У вас ровно двенадцать часов, чтобы попросить прощения. Если через обозначенное время Яо Чэнь не покинет клан, его расценят как предателя, а это сулит смертную казнь.

Затем они встали по обе стороны ворот в ожидании. Очевидно, их назначили ответственными за это дело.

Яо Цин одолел сильнейший приступ головокружения в её жизни: небо и земля словно поменялись местами. Как... Яо Чэня изгнали?

— Преступления? Какие?

Но ответом была тишина. Стражи стояли, как статуи, молча и неподвижно, глаза их светились холодом и полным безразличием ко всему, что не касалось задания.

Яо Цин быстро сообразила, что спрашивать у них бесполезно, и стала допытывать Яо Чэня:

— Что случилось?

— Мама, я... — Яо Чэнь понурил голову и рассказал всю историю от начала до конца. — Мама, я клянусь, это был Яо Фэн! Если бы не его происки, у меня бы обязательно получилось!

Яо Цин набрала полную грудь воздуха, её лицо слегка покраснело.

— Вот оно что, вот оно как... глупыш, он ничего не менял, только выкопал тебе яму, а ты в неё попался. А траву Звёздного неба... ещё в тот день... кх-кх... — не успела она договорить, как кожа на её лице побагровела, а с уголка губ потекла тонкая струйка крови.

— Мама!

Яо Цин погладила Яо Чэня по голове.

— Не бойся, со мной... раньше я мечтала дожить до этого дня, но теперь, видимо, не судьба.

Два года прошло с тех пор, как она лишилась мужа; два года она взращивала Яо Чэня, отдавая все свои силы, — тело давно отказывалось её слушаться. Но никто этого не знал. Она хотела всё рассказать сыну после «Встречи», но последняя вылазка в горы иссушила источник её сил. Вот почему она вдруг ушла посреди решающего тура.

Её сын участвовал на «Встрече», но она не могла лицезреть его успех, столь слаба она была... Каждый раз, когда она возвращалась домой, она ложилась обессиленная, залечивая

внутренние раны.

А сегодня кровь и энергия и вовсе возроптали, не давая никакой возможности к сопротивлению. Целых два года строгое выражение не сходило с её лица, но сегодня вернулась былая мягкость и ласка.

— Чэнь-эр, — сказала она, нежно взяв Яо Чэня за руку, — быть может, изгнание только к лучшему. Главная ветвь... ха-ха, каким внутренним талантом бы не обладал, из-за неё ты никогда не добился бы высот. Однако не забывай последнюю волю отца. Ты обязан вырасти мужчиной — стать опорой, на которой держится Небо и стоит Земля. Ты обязан заставить их пожалеть о том, что они изгнали тебя...

— Мама, тебе нельзя много говорить, отдохни. Я понимаю это, понимаю... — душа Яо Чэня словно провалилась в ледяную бездну; его охватила дрожь. С каждым словом с губ Яо Цин текло всё больше и больше крови.

— Я больше не смогу заботиться о тебе. Там лежат записи отца — весь его опыт в алхимии, а внутри... кх-кх... — Яо Цин снова прервал сильный кашель.

— Мама! — Яо Чэнь бросился к матери и довёл её до кровати. — Мама, я пойду разыщу какого-нибудь старейшину.

— Не иди. Мой недуг мне понятен. Займись лучше вещами и обязательно заведи всё из алхимической комнаты. Помни, остерегайся больших дорог, беги горными тропами. Главная ветвь всегда подчищает концы... и не жди, пока истекнут двенадцать часов, уходи немедленно!

— Но мама, ты...

— Ты хочешь разозлить меня до смерти или ждёшь пока я скончаюсь на твоих глазах?

Яо Чэнь вздрогнул, по щекам потекли слёзы.

— Не плачь, тебе нельзя. Если жаждешь стать мужчиной-опорой Небу и исполнить предсмертную волю отца, то... перестань плакать перед мамой... — Яо Цин закрыла глаза. Её голос всё слабел и слабел, и пускай слова были жестоки, глубоко в душе она тоже рыдала. — Собирай вещи и за час... через час двигайся в сторону гор.

— Хорошо, мама, — Яо Чэнь как бы заставил себя насильно успокоиться и, собравшись с духом, опрометью кинулся в алхимическую комнату. Там собрал немного еды и пилюль Сухого пайка, потом метнулся во вторую половину комнаты и сложил все иссиня-чёрные бутылки для пилюль в кольцо хранения. Покончив с приготовлениями, юноша вернулся в комнату матери.

В полной тишине раздался звук упавших на деревянный пол капель.

— Мама, я пойду. Береги себя... мама...

— Мужчина обязан держать слово. Раз сказал, что уходишь, уходи. Со мной всё будет хорошо, я... — Яо Цин отвернулась. — Скорее уходи!

Она не смела смотреть сыну в глаза, боясь, что не сумеет сдержать себя от слёз.

Яо Чэнь нельзя было назвать глупым, тем более, что мать только что сорвала завесу тайн и загадок, окружавшую всё произошедшее. Теперь он чётко понимал, что изгнание лишь первый шаг. Такие случаи обязательно пресекают на корню, а отсрочка на двенадцать часов не более, чем прикрытие — ширма для отвлечения его внимания.

Даже сейчас уходить было крайне опасно, что уж говорить про потом.

Яо Чэнь десять раз земно поклонился перед матерью, отбивая поклоны так сильно, что разодрал себе лоб, затем с той же прытью убежал.

Покинуть клан Яо можно было только через формацию Перемещения. Сейчас большинство стражей Железной гвардии отсутствовали, патрулируя местность вокруг места проведения «Встречи».

— Яо Чэнь? Почему ты здесь? Что случилось? — тепло поинтересовался один из стражей. Так уж вышло, что сегодня у формации дежурил товарищ отца — его названный брат.

— Дядя Дянь, некогда объяснять. Если поможете задержать тех двух стражей, то я вовек не забуду оказанную вами услугу и в будущем постараюсь отплатить всем, чем смогу!

Стража охватило непонятное чувство, когда его называли «дядей Дянем». Яо Чэнь стремглав вбежал в формацию. Дядя Дянь, подозревая, что тут замешано что-то серьёзное, хотел было отказать, но, увидев пятно застывшей крови на лбу юноши, стиснул зубы и крикнул:

— Открыть формацию Перемещения!

Остальные стражи переглянулись и принялись за работу. Силуэт Яо Чэня в мгновение ока расплылся и пропал.

Сам юноша появился в другом месте, в центре другой формации. В ноздри ударил незнакомый запах. Не раздумывая, Яо Чэнь поспешил в сторону главной дороги.

Через несколько минут здесь появились двое стражей Железной гвардии с разъярённым видом. Схватив за руку первого попавшегося ученика, ответственного за перемещения, он гневно бросил, точно выплюнул:

— Только что тут был парень. Куда он пошёл?

— Э-э... на север.

Один из стражей хотел было броситься в погоню, как другой остановил его.

— Погоди, мальчишка хитрец, каких поискать. Если мы побежим догонять его и потеряем след, ответственность ляжет на наши плечи. Нам следует вернуться и доложить обо всём Главе Наказаний. Такие дела должны решать только доверенные лица Зала Наказаний.

Страж, который готов был броситься в погоню, содрогнулся и почувствовал холод в душе. И вправду: теперь это была не их забота. Ведь если оплошают, то, скорее всего, лишатся голов. К тому же, Глава Наказаний наверняка держал в рукаве особые способы, чтобы разобраться с Яо Чэнем (ну или так они предполагали). Им было поручено следить за юношей в клане и только здесь. Теперь их задание было выполнено.

— Не переживай, я отметил его, значит мы выполнили нашу часть, как того и требовалось. А грязной работой пускай займётся кто-то другой.

— Отлично. Тогда давай вернёмся и доложим.

Примечание переводчика: Яо Лао рассказывает Сяо Яню о своём изгнании в 1314-ой главе РБСН.

<http://tl.rulate.ru/book/5484/1610747>